

О. В. Соколова

Московский педагогический государственный университет

**«Авангардный PR-дискурс»: стратегия дисфемизации
в агитационно-пропагандистских текстах 1920-х годов ***

Аннотация: Рассматривается влияние авангарда 1920-х гг. на становление современного политического PR-дискурса. На материале журналов «Леф» и «Новый Леф» (В. Маяковский, Н. Н. Асеев, О. М. Брик, С. М. Третьяков, Б. А. Кушнер и др.) анализируются формы реализации стратегии дисфемизации, которая является неотъемлемой частью коммуникативной стратегии как авангардного, так и политического PR-дискурса. Дисфемистические замены, связанные с повышением информационной, экспрессивной и прагматической категоричности сообщения, по-разному проявляются в авангардных агитационных текстах. Исследуются лексические трансформации, связанные с реализацией стратегии свободы от ограничений (достигаются с помощью перифрастических обозначений, окказионализмов и т. д.) и трансформации, вызванные повышением категоричности информации (осуществляются с помощью использования пейоративов, градации, конкретизации, нейтрализации и т. д.).

The paper considers the influence of the avant-garde of the 1920s upon the contemporary political PR-discourse. On the basis of the materials of «LEF» ('Left Front of the Arts') and «Novyi LEF» ('New Left Front of the Arts') (Vladimir Maiakovskii, Nikolai Aseev, Osip Brik, Sergei Tretiakov, Boris Kushner, etc.) analysis is made of some forms of realizing dysphemisation that is an inseparable part of the communicative strategy of both the avant-garde and the political PR-discourse. Dysphemistic substitutions related to the increase of informative, expressive and pragmatic categoricity of a communication manifest themselves differentially in in avant-garde agitation and propaganda texts. Study is made of lexical transformations connected with realizing the strategy of freedom from restrictions (which are achieved by means of periphrastic designations; occasional words, etc.) as well as transformations caused by an increase of informational categoricity (which are realized by using pejoratives, gradation, specification, neutralization, etc.).

Ключевые слова: авангард 1920-х гг., политический PR, агитация, пропаганда, коммуникативная стратегия, дисфемизация, лексические трансформации.

Avant-garde of the 1920s, political PR, agitation, propaganda, communicative strategy, dysphemisation, lexical transformations.

УДК 81'272, 81'373.47

Контактная информация: Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1. МПГУ. Тел. (495) 9158887. E-mail: faustus3000@gmail.com

* Исследование выполнено при поддержке гранта ведущих научных школ НШ-2084.2014.6 «Образы языка и многоязычия в различных типах дискурсов».

Исторический авангард 1920-х гг. является одним из факторов, повлиявших на формирование современного политического PR-дискурса. Как отмечают исследователи, «левизна политическая была воспринята представителями «левого» движения в искусстве как явление, родственное по духу» [Сидорина, 2010]. Разные аспекты сближения идеологии и эстетики русских футуристов с коммунистами, а итальянских – с фашистами рассматривались и обосновывались в работах [Пунин, 1918, 1919; Salaris, 1986; Cordova, 2007; L' Italia, 2007; Николаев, 2010] и др.

Эстетические и лингвистические принципы, направленные на взрыв предыдущей культуры, пассивного, автоматизированного языка, культ скорости, динамики и ориентация на новаторство, будущее оказались чрезвычайно близки идеям коммунизма и фашизма. Уже в «Футуристическом манифесте» 1909 г. Ф. Т. Маринетти восхваляет войну – «единственную гигиену мира» [Маринетти, 2008, с. 33], а в 1924 формулирует общность футуризма и фашизма, которые пробудили «итальянскую гордость... ежедневный героизм, любовь к опасности и насилию... религию скорости, новизну, оптимизм и оригинальность... Фашизм родился из интервенционизма и футуризма, он питал принципы футуристов» [Marinetti, 1924]. Несмотря на общность многих художественных и идеологических положений, русский футуризм и коммунизм сошлись на других, отнюдь не милитаристических и националистических, основаниях: «жизнетворчество» авангарда 1910-х гг. было трансформировано в «жизнестроительство», на первый план ВЫШЛИ такие идеи, как «коллективизм», «целесообразность», «производственное движение»: «Революция выдвинула практические задачи – воздействие на психику массы, организации воли класса. Турниры на аренах эстетики кончились, надо было делать живую жизнь...» [Третьяков, 1923, с. 197].

Обращаясь к истокам формирования современного политического PR-дискурса, важно сосредоточиться на отдельных языковых приемах, разработанных в агитационных и пропагандистских текстах авангардистов 1920-х гг. В качестве материала исследования выбраны журналы «Леф» и «Новый Леф», редактором и идейным вдохновителем которых был В. Маяковский, объединивший бывших футуристов Н. Н. Асеева, О. М. Брига, С. М. Третьякова, Б. А. Кушнера и др. Важно отметить, что в этих текстах авангардный языковой эксперимент, постоянный поиск новых способов достижения коммуникативного эффекта совмещается с агитационно-политическими идеями того времени. Сочетание эстетических и агитационных стратегий оказало заметное влияние на формирование и развитие современного политического PR-дискурса. Учитывая пересечение в текстах авторов «Лефа» особенностей авангардного и политического PR-дискурсов, можно говорить о такой разновидности взаимодействия дискурсов, как «авангардный PR-дискурс».

Отличительной чертой поэтического стиля футуристов является избегание эвфемизмов, что связано с ключевой задачей авангарда – сократить референциальный разрыв между словом и вещью, «называть вещи своими именами». Для исторического авангардного мышления эвфемизм был практически не приемлем, тогда как дисфемизмы стали характерной чертой стиля: *Пока **выкипячивают**, рифмами тиликая, / из любвей и соловьев какое-то варево, / улица **корчится безъязыкая** – / ей нечем кричать и разговаривать...; Крик торчком стоял из глотки* [Маяковский, 1955, с. 181, 182].

Стремление футуристов к антиэстетичности и эпатажности можно интерпретировать как реализацию установки на сокращение референциального разрыва между словом и действительностью, «возвращение» языка к действительности. Дисфемизация как способ сокращения референциального разрыва связана не с пониманием реальности как изначально грубой, но со стремлением поэтов преодолеть слащавость и эвфемистичность, принятые в качестве языковых и коммуникативных норм.

Необходимо отметить, что для стиля футуристов была характерна контрастность, сочетание «сатирической “грубости” при обличении» оппонентов и «лиризма для передачи чувств» [Эвентов, 1954, с. 719]. В этом смысле показательна рефлексия В. Маяковского по поводу стилевой контрастности в поэме «Облако в штанах»: *Хотите – / буду от мяса бешеный / – и, как небо, меняя тона – / хотите – / буду безукоризненно нежный, / не мужчина, а – облако в штанах!* Однако на страницах журнала «Леф», призванного реализовать стратегию ликвидации противника с помощью тактики разрушения его положительного образа, получила развитие тенденция дисфемизации.

По словам Н. Д. Арутюновой, «в процессе формирования значений действительность «давит» на язык, стремясь запечатлеть в нем свои черты; в ходе осуществления референции язык ищет путь к действительности, актуализируясь в речи» [1982]. Если не-авангардная поэзия стремится абстрагироваться от прагматического фактора, то для исторического авангарда приоритет языка над действительностью неразрывно связан с освобождением от «давления» действительности на язык¹, с нахождением кратчайшего пути от слова к вещи и преобразованием действительности.

Сокращение референциального разрыва – это преодоление лакуны между словом и реальностью, к которому стремятся авангардисты. В их понимании нормативное употребление слова привело к утрате всякой связи с реальностью в силу «захватанности» и «стертости» слов². В русле авангардного дискурса расширение словаря, создание окказионализмов равнозначно деформации искусственной, «безжизненной» и созданию новой, «чистой» реальности.

Учитывая тенденцию к отрицанию эвфемизмов и использованию дисфемизмов, можно говорить об определенном сходстве авангардного и политического PR-дискурсов. Как известно, политический дискурс характеризуется внутренней противоречивостью, совмещая черты политической корректности (выражаемой с помощью эвфемизмов) с полемичностью и агональностью (формой реализации которой являются дисфемизмы).

В. З. Демьянков отмечает, что свойственная этому дискурсу агрессивность выражается в выборе слов и «представляет собой перенесение военных действий с поля боя на театральные подмостки <...> полемичность политической речи – своеобразная театрализованная агрессия» [2003, с. 125]. О различных способах выражения интенции автора (замена нейтральных слов, «снижение темы» и т. д.) на «смещение дискурсов» пишет И. В. Силантьев, отмечая, что в современном контексте это может привести к выходу за границы политического и смене политического дискурса неконтролируемым дискурсом повседневности [2006, с. 65–66]. В зависимости от цели высказывания и от интенции автора, «эвфемизмы и дисфемизмы коррелируют с двумя особыми риторическими стратегиями, характерными для идеологических текстов – стратегиями мобилизации и демобилизации общественного мнения», пишет Е. Я. Шейгал [2000, с. 242].

Данные языковые средства направлены на референциальный сдвиг (referential shift) [Winston, 1991; Engberg-Pedersen, 1995], т.е. такой механизм речевого воздействия, под которым понимается смена самого референта, когда адресат ошибочно устанавливает референт для определенного сообщения (например, *авторы открытого письма хотели, чтобы виновники были наказаны. Они совершили злодеяние с целью наживы*) либо смещение прагматического фокуса.

¹ Ср. супрематизм К. Малевича как освобождение от внехудожественных элементов и выявление беспредметности.

² Например, у А. Крученых: «Мысль и речь не успевают за переживанием вдохновенного ... <...> Лилия прекрасна, но безобразно слово лилия захватанное и кизнасилуванное». Поэтому я называю лилию еуы – первоначальная чистота восстановлена» [Крученых, 2001, с. 17].

Таким образом, эвфемизм и дисфемизм являются, образно говоря, двумя сторонами одной медали, поскольку реализуют тенденцию к изменению способов концептуализации референта с помощью различных оценочных признаков и смещения прагматического фокуса (они оба смещают фокус – от нейтрального к «мягкому» или к «жесткому»: *сумасшедший – не в себе – бешенный*).

Характеризуя дисфемистические замены, связанные с повышением информационной, экспрессивной и прагматической категоричности сообщения, мы будем различать два вида лексических трансформаций в авангардных агитационных текстах: трансформации, связанные с реализацией стратегии свободы от ограничений и трансформации, вызванные повышением категоричности информации.

Свобода от ограничений конвенционального или эвфемистического словоупотребления достигается с помощью перифрастических обозначений и развернутых определений; употребления окказионализмов и актуализации фоносемантических элементов.

Обострение конфронтации осуществляется посредством **перифрастических обозначений и развернутых определений**, которые могут быть оформлены как словарные дефиниции: *Древние делили художественную литературу на поэзию и прозу. / И поэзия, и проза имели свои языковые каноны. / Поэзия – засахаренные метры... Проза – особо-ходульных героев (он + она + любовник – новеллисты; интеллигент + девушка + городской – бытовики; некто в сером + незнакомка + христос – символисты)* [Маяковский, Брик, 1923, с. 40]. Реализуя стратегию мобилизации, отправитель использует средства, направленные на активизацию адресата с помощью информативно-экспрессивных средств (развернутых определений, терминологических дефиниций, диалогических конструкций).

Агональные жанры, распространенные в «Лефе», оформлены в виде статей-ответов на нападки оппонентов, в которых тактика экспрессивных ударов (пейоративная лексика) сочетается с информационными ударами (терминологические дефиниции, перифразы). Авторы «Лефа» отвечают на обвинение оппонента его же оружием. Например, в ответ на обвинение В. Полонского, сопоставившего слова *Леф* и *блеф*, В. Маяковский дает дефиницию лексем *Леф* и *блеф*: *«Леф» – это слово на 100 % советское, то есть оно не могло быть составлено иначе, как только после Октябрьской революции, когда было узаконено слово «Леф» <левый?>, когда после войны и революции вступило в свои права слово «фронт» и когда получило узаконение составление слов посредством складывания первых букв нескольких в него слов. «Леф» – это левый фронт искусств, – слово советское. В противовес ему слово «блеф» – типичное карточное. <...> «Блеф» – это слово английских покеристов, которое показывает, что человек, не имеющий карты, запугивает, блефирует своего противника, своего партнера. «Блеф» предполагает полную пустоту за этим словом* [Маяковский, 1959, с. 325–326].

Важно подчеркнуть, что, в отличие от эвфемистической стратегии нейтрализации, характеризующей современный политический PR-дискурс, авангардный дискурс претворяет стратегию конфронтации, заостряя оппозицию и четко разводя понятия. Здесь проявляется черта, объединяющая авангардистов с формалистами и структуралистами, для которых чрезвычайно важно показать, «как / из чего сделан» текст, достичь максимальной референциальной определенности.

Употребление окказионализмов связано с отказом от неопределенности, нейтральности и позволяет маркировать уникальность референции. Окказионализмы могут быть связаны отношением референции только с одним предметом или объектом, номинация которого таким образом заостряется: *капиталист, конечно, никогда не меценатировал наши хлысты-строчки, наши занозы-штрихи* [Арватов, Асеев, Брик, 1923, с. 3]; *акстарье, брюхастый выцилиндренный заказчик* и т. д.

Актуализация фоносемантического компонента приводит к оживлению внутренней формы слова, что позволяет расширить объем значения и способствует стереоскопическому преувеличению масштабов события: *Российские футуристы окончательно разодрали с поэтическим империализмом Маринетти, уже раньше просви́стев его в дни посещения им Москвы (1913 год)* [Там же, Арватов, Асеев, Брик, 1923, с. 4]. Вместо умеренно-негативных лексем *разорвали* и *освистав* в тексте используется агрессивно-экспрессивные формы *разодрали* и *просвистев*. В случае *разорвали* и *разодрали* прагматическим фокусом, мотивирующим отрицательную оценку, в обеих номинациях является сема «резкого разделения, нарушения цельности». Помимо этого определенные компоненты («резкость», «наси́льственность») переходят из ядра интенционала в вариативную часть импликационала, что способствует увеличению объема негативной оценки.

Повышение экспрессивно-прагматической категоричности сообщения осуществляется с помощью употребления пейоративов, использования градации, конкретизации, нейтрализации и т. д.

Пейоративы могут по-разному функционировать в тексте. Они маркируют вербальную агрессию и способствуют дискредитации личности оппонента: *Революционные партии били по бытию, искусство восстало, чтоб бить по вкусу* [Там же, с. 3]; *Рядом с людьми будущего шли и молодящиеся, прикрывающие левым флагом эстетическую гниль* [Там же, с. 4]; *Символизм русский... выродился в акмеизм, в скульптурную окаменелость, – футуризм одухотворил ходячий труп художества небывалыми звуками* [Чужак Н. Ф. Под знаком жизнестроения // Леф. 1923 г. № 1, с. 19].

Стратегия дискредитации оппонентов, реализуемая с помощью вербальной агрессии, развивается как в манифестах и статьях «лефов», так и в поэтических текстах: *Карманьолу в кварталы! И – в порох / Разлетится обрюзглый Версаль* [Асеев, 1923, с. 10]; *Рур! / Чахоткою харкая / Греешь страну...* [Крученых, 1923, с. 51].

«Перевод» рекламного текста на язык целевой аудитории с помощью пейоративов: *Против старья озверев, – / ищите «Леф». / Витрину оглазев, – / покупайте «Леф»...* ; *У «Лефа» / неповоротливая нога, / громок у «Лефа» рот, – / наше дело – вперед шагать, / и глазеть, / и звать вперед* [Маяковский, 1957, с. 253–254]. Самопрезентация в рекламных стихотворениях В. Маяковского осуществляется с помощью дисфемизмов, которые используются не для дискредитации, но для реализации фатической функция: установление контакта с адресатом происходит за счет «перевода» текста на язык целевой аудитории (просторечный, разговорный). Маркеры дисфемии способствуют дифференциации целевой аудитории, противореча либо соглашаясь с точкой зрения адресата.

Градация позволяет преувеличить степень признака и повысить роль оценочных значений слова с помощью дисфемизмов: *Футуристам отвечали цензурными усекновениями, запрещением выступлений, лаем и воем всей прессы...* [Арватов, Асеев, Брик, 1923, с. 3] (*цензурные усекновения* ‘публикация с купюрами’; *лай и вой всей прессы* ‘негативные статьи’); *Ясно – при виде пяток улепетывающей интеллигенции...* [Там же, с. 4] (*пятки улепетывающей интеллигенции* ‘эмиграция интеллигенции’).

Градация может быть выражена с помощью диминутивов, обращенных в адрес оппонентов, и аугментативов, характеризующих «лефов» и из сторонников. Диминутивы (*художественные школки*) и аугментативы (*силлица коллектива*) способствуют наглядной реализации оппозиции «свои» – «чужие» как одного из главных концептов массового, национального мироощущения: «концепт, состоящий в противопоставлении ‘Свои’ – ‘Чужие’ находится в самой тесной связи с сознанием этноса и его стереотипом поведения» [Степанов, 1997, с. 485].

В авангардных агитационных текстах диминутивы связаны с негативной презентацией «чужих» (семантика мелкости, мелочности, незначительности, мещанства, стилистика прошлой культуры), в то время как аугментативы придают позитивную окраску лексемам, обозначающим «своих» (семантика весомости, огромности, значимости, современности). Распространенность аугментатива в языке футуристов связана с его принадлежностью к разговорному стилю, а также со стремлением к нарушению конвенциональных правил: *Ломайте границы «красоты для себя», границы художественных школок! / Влейте ваши усилия в единую силищу коллектива!* [Товарищи – формовщики, 1923, с. 4]; *человечей кровницей вымочили весь его; Дымным хвостом по векам волочу / оперенное пожарами побоище!*; *С днищ океанов и морей; Смотри, / мои глазища – / всем открытая собора дверь* [Маяковский, 1955, с. 225, 232, 241].

Самопрезентация авангардистов с помощью аугментативов направлена на выражение мировых, вселенских масштабов описываемых событий. В противовес самопрезентации, презентация противников осуществляется с помощью диминутивов: *Не для того был дан художникам лозунг «в производство» <...> чтобы господ эстеты со всеми своими навыками, красочками, кисточками, рамочками, вкусиками перекочевали из комнатушек-мастерских в просторные залы фабрик и заводов... пишут статьи, брошюрки... с новыми словечками сбивая с толка доверчивых, не искушенных читателей* [Брик, 1923, с. 92].

Конкретизация приводит к повышению информационной упорядоченности и смысловой концентрации сообщения благодаря замене лексемы с более широким предметно-логическим значением на слово с более узким значением: *Все абсолюты полетели к чорту, и разве-что молодящиеся старички, из категории читающих «по богатым покойникам», только и шамкают еще о «вечной красоте», театре, как приюте «отдыха» и «сна», да пролеткультные конторщики, учась на прогнанной эстетике, все еще мечтают о реставрации Надсона и Пушкина* [Чужак, 1923, с. 18]. Обозначение оппонентов наделяется негативной оценкой, которая усиливается благодаря концентрации смыслового содержания и предельной конкретизации определенной социальной группы, подвергающейся критике «лефов». Поклонники классики определяются как *молодящиеся старички*, участники Пролеткульта как *пролеткультные конторщики*.

Одним из важнейших вопросов, часто освещаемых на страницах «Лефа», была эстетическая позиция авторов журнала. Так, Н. Ф. Чужак в свойственной ему пейоративной манере акцентирует базовые принципы футуризма – «осязаемость», «жизненность», «коллективизм», «действенность»: *<Футуризм> больше всех заботится о том, чтобы образы его, при всей их запугивающей «чужовищности», были и наиболее «мясными», наиболее осязаемыми. В этом-то и есть «общение» футуризма «с людьми», в этом – его и «сплачивание» людей, сшибание их лбами с жизнью, но – жизнью «огромно несущейся», жизнью диалектически развивающейся...* [Там же].

Конкретизация приводит к экспликации наиболее радикальных периферийных сем, замене родовых терминов, ставших ярлыками и утративших эффект воздействия на сознание (*борец, революционер, оппозиционер*), на более действенные, шокирующие лексемы (*могильщик*): *Леф – могильщик буржуазного искусства* [ЛЕФ к бою!, 1923, с. 3].

Генерализация значения связана с его расширением и размытием. Способность генерализации нейтрализовать отрицательные компоненты семантики широко используется в современном политическом PR-дискурсе (подробнее см.: [Шейгал, 2000, с. 262]). В авангардных агитационных текстах нейтральные лексемы (*монархия, классика*) заменяются словами с более широкой семантикой (*старье, мертвые*), что способствует мобилизации адресата на борьбу с оппозицией, которая «мимикрирует» под новейшее революционное искусство: *...Одни героически стараются поднять в одиночку непомерно тяжелую новь, другие еще на-*

пильником строк режут кандалы старья... Леф должен собрать воедино левые силы. Леф должен осмотреть свои ряды, отбросив прилипшее прошлое; Леф должен объединить фронт для взрыва старья, для драки за охват новой культуры [Арватов, Асеев, Брик, 1923, с. 6]; Но мы всеми силами нашими будем бороться против перенесения методов работы мертвых в сегодняшнее искусство [В кого вгрызается ЛЕФ? // Леф. 1923 г. № 1, с. 8]; Мы развеяли старую словесную пыль, используя лишь железный лом старья [Маяковский, Брик, 1923, с. 40].

«Ухудшение» денотата происходит с помощью референциального сдвига, что связано с взаимодействием интенционала и отрицательного импликационала исходного наименования. Генерализация приводит к тому, что позитивные семантические компоненты заменяются на негативные: семы «бессмертие», «вечность» отодвигаются на задний план, а семы «смерть», «старый», «несовременный» из слабого импликационала переходят в ядро значения.

Референциальный сдвиг может возникать благодаря оформлению категории дистанцирования с помощью дейктических маркеров (этот): Мы не собираемся выпалывать этого <эмоционального> момента путем искусственной кастрации человека [Чужак, 1923, с. 13]; И какая же благоуханная – не американская, а общечеловеческая пошлость окружает, как воздух, этих американских «businessmen» с квадратными челюстями... [Левидов, 1923, с. 45].

Стратегия дисфемизации как деавтоматизации сознания адресата реализуется с помощью лексических маркеров так называемый, грамматических ли, кавычек, служащих разноуровневыми языковыми маркерами разоблачения противников, внушения неприязни к ним. Имплицитно выраженная семантика отрицания объекта способствует привлечению адресата как «соучастника», воспринимающего описываемую картину с точки зрения говорящего: Так называемые режиссеры! / Скоро ли бросите, вы и крысы, возиться с бутафорщиной сцены? [Товарищи – формовщики, 1923, с. 3]; Все неточно, ненаучно, иррационально в темной области искусства. Здесь еще рано говорить даже о «Царстве необходимости»: душа художника-творца-ли, потребителя-ли искусства – жалкое ристалище, где «первозданная стихия» справляет свою вольную, слишком вольную игру... [Блум, 1923, с. 138]; Мы будем бороться и с противниками новой культуры, и с вульгаризаторами Лефа, изобретателями «классических конструктивизмов» и украшательского производственничества [Редакция, 1927, с. 2].

Выражение недоверия, несогласия с оппонентом может осуществляться с помощью «разоблачающих», «полемиических» кавычек (термин Анны А. Зализняк [Зализняк, 2007]), которые указывают на восприятие данного утверждения как ложного: Много надо выдержки и силы воли, чтобы не вернуться в тихое лоно канонизированного художества, не начать «творить», как художники «чистовики», или стряпать орнаменты для чашек и платков, или малевать картинки для уютных столовых и спален... [О.Б., 1923, с. 108].

Стратегия дисфемизации реализуется в агитационных текстах авангардного дискурса с помощью различных языковых средств на лексико-семантическом, а также фонетическом, словообразовательном и грамматическом уровнях языка. Намеренное «ухудшение» денотата и «снижение» языка приводит к обострению полемичности и агрессивности, которые характеризуют политический PR-дискурс в целом, внушая адресату категорическую негативную оценку по отношению к противнику. Кроме того, отличительной чертой стратегии дисфемизации авангардного дискурса является включение ее в более общую стратегию деформации языковых и коммуникативных канонов, освобождения от границ. Нарочито грубые способы не только референции, но и автореференции (аугментативы *силлица*, *кровища*, *глазища*) направлены на радикальное противостояние стратегии косвенности и неопределенности. Возможность преодолеть референциальный разрыв и называть вещи своими именами реализована в авангардном дискурсе как бунт

против слащавого, искусственного, «безжизненного» употребления слов, утвержденного в качестве нормы.

Литература

- Арватов Б., Асеев Н., Брик О. и др. За что борется ЛЕФ? // Леф. 1923. № 1. С. 3–7.
- Асеев. 1-ое мая // Леф. 1923. № 2. С. 10–11.
- Брик. Услужливый эстет // Леф. 1923. № 2. С. 92–103.
- Бьем тревогу // Новый Леф. 1927. № 2. С. 1–5.
- Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / Отв. ред. М. Н. Володина. М., 2003. С. 116–133.
- Зализняк Анна А. Семантика кавычек // Труды Международного семинара Диалог'2007 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 2007. URL: http://www.philology.ru/linguistics2/zaliznyak_anna-07.htm (дата обращения 15.02.2014).
- Крученых А. Е. Стихотворения. Поэмы. Романы. Опера. СПб., 2001.
- Крученых. Траурный руп! // Леф. 1923. № 1. С. 51–52.
- Левидов. Американизма трагифарс // Леф. 1923. № 2. С. 45–46.
- ЛЕФ к бою! // Леф. 1923. № 3. С. 3.
- Маринетти Ф. Т. Первый манифест футуризма // Футуризм – радикальная революция. Италия – Россия. М., 2008. С. 31–34.
- Маяковский В. В. «Леф» // Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1957. Т. 5. С. 253–254.
- Маяковский В. В. Война и мир // Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955а. Т. 1. С. 209–242.
- Маяковский В. В. Выступления на диспуте «Леф или блеф?» 23 марта 1927 года // Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1959. Т. 12. С. 325–350.
- Маяковский В. В. Облако в штанах (Тетраптих) // Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955б. Т. 1. С. 173–196.
- Маяковский В., Брик О. Наша словесная работа // Леф. 1923. № 1. С. 40–41.
- Николаев Д. Д. Литература как пропаганда // В поисках новой идеологии: социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920 – 1930-х годов / Под ред. О. А. Казиной. М., 2010. С. 494–594.
- О.Б. В производство! // Леф. 1923. № 1. С. 105–108.
- Пунин Н. Н. Коммунизм и футуризм // Искусство коммуны. 1919. № 17. С. 2.
- Пунин Н. Н. Левые – правые // Искусство коммуны. 1918. № 3. С. 2.
- Редакция. Читатель! // Новый Леф. 1927. № 1. С. 1–2.
- Сидорина Е. В. Конструктивизм // Авангард в культуре XX века (1900–1930 гг.): Теория. История. Поэтика: в 2 кн. М., 2010. Кн. 1. С. 530–598.
- Силантьев И. В. Газета и роман: Риторика дискурсных смещений. М., 2006.
- Степанов Ю. С. «Свои» и «чужие» // Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М., 1997. С. 472–487.
- Товарищи – формовщики жизни! // Леф. 1923. № 2. С. 3–8.
- Третьяков С. Откуда и куда?: перспективы футуризма // Леф. 1923. № 1. С. 192–203.
- Чужак Н. Ф. Под знаком жизнестроения // Леф. 1923. № 1. С. 12–39.
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М., 2004.
- Эвентов И. С. Маяковский // История русской литературы: В 10 т. М., 1954. Т. 10: Литература 1890 – 1917 годов. С. 703–729.
- Antologia del Periodici Italiani. URL: <http://api.unipv.it/lettura/6/28/?index=generale/> (дата обращения 15.02.2014).
- Cordova F. Arditi e legionari dannunziani. Roma, 2007.

Engberg-Pedersen E. Point of view expressed through shifters // *Language, Gesture, and Space* / Ed. by K. Emmorey, J. S. Reilly. Hillsdale, NJ, 1995. P. 133–154.

L' Italia e la «grande vigilia». Gabriele D'Annunzio nella politica italiana prima del fascism / Ed. Franco Angeli. Milano, 2007.

Marinetti F. T. *Futurismo e fascismo*. Foligno: Franco Campitelli Editore, 1924. 249 p.

Salaris C. *Il futurismo e la pubblicità: dalla pubblicità dell'arte all'arte della pubblicità*. Milano, 1986.

Winston E. Spatial referencing and cohesion in an American sign language text // *Sign language studies*. Maryland, 1991. Vol. 73. P. 397–410.